

теризующим героя следующим образом: «Образованный просвещенным отцем, в тишине сельского уединения по системе Руссо-вой философии, он мог бы решить собою, может быть, важную проблему, заданную славным Женевским писателем, если бы внезапная смерть отца не пресекла трудов воспитания». ⁵¹

Русский Эмиль оказывается владельцем нескольких тысяч крестьян. Он изображается как идеальный помещик, которого «поселяне, защищаемые им в притеснениях, пользующиеся в болезнях, утешаемые в горестях, почитали (...) праведником». ⁵² Впрочем, эта сторона жизни героя остается лишь эпизодом. Главное место в повести занимает история отношений Эмиля и светской красавицы Лины.

Чтение сентиментальных романов подготавливает Эмиля к встрече с возлюбленной, подобной его любимым героям: «...от утра до вечера мечтал о Юлиях, Софиях, Клариссах». ⁵³ На первом месте, естественно, оказываются героини Руссо; не забыта и героиня Ричардсона. Непостоянная Лина, однако, оказывается совершенно не похожа на них. Впрочем, Эмиль понимает это далеко не сразу. При встречах с Эмилем Лина стремится поддержать его иллюзии, и в равнодушии к чтению ее упрекнуть нельзя: «Лина читала всегда какую-нибудь книгу Эмилю, который удивлялся охоте ее ко чтению». ⁵⁴ Более того, желая, чтобы Эмиль вызвал на поединок посмеявшегося над ними Эраста, Лина убеждает колеблющегося возлюбленного самым веским аргументом: «Друг мой! Сен-Пре, образец редкого любовника, не так думал, когда он летел мстить за оскорбленную Юлию». ⁵⁵ Побывав на поединке, а затем узнав о неверности Лины, Эмиль ищет утешения в чтении «Вертера» и завидует «сему несчастному любовнику, который, расставаясь с жизнью, не расстался с чувством быть любимым». ⁵⁶

Эта постоянная ориентация Эмиля на любимого литературного героя, его судьбу, его мироощущение в конце концов приводит к полному разладу с действительностью. Находясь под влиянием прочитанных книг (прежде всего Руссо), Эмиль живет в мире иллюзий и долго не замечает несоответствия между воображаемым миром и реальным. Когда же ему приходится убедиться в этом несоответствии, он становится уединенным мизантропом: «Искал некогда Элоизы, Клариссы, Юлии и доживал век свой с одним их мысленным образом; хотел принести философию к людям и скрывал ее в тихом углу своем». ⁵⁷

При всей поверхностности конфликта, намеченного в повести Измайлова, здесь нашла отражение важная проблема, поставлен-

⁵¹ Вестник Европы, 1803, ч. 8, март, № 5, с. 8.

⁵² Там же, с. 9.

⁵³ Там же, с. 13.

⁵⁴ Там же, с. 22.

⁵⁵ Там же, № 6, с. 99.

⁵⁶ Там же, с. 103.

⁵⁷ Там же, с. 106.